

ной цепи, сковывающей административный произвол, реакционную анархию и прочие прелести того строя, которому нет места при конституции»¹³.

От кадетов же законопроект о неприкосновенности личности получил только нарекания¹⁴. Не удовлетворяли их и действия правительства в женском вопросе. Так, внесённый министерством юстиции в Государственную думу законопроект об уравнивании женщин в правах наследования с мужчинами не давал, по их мнению, ничего нового и не мог рассматриваться как результат действия обновлённого строя¹⁵. По мнению кадетов, в печальной летописи «конституционного» законодательства лишь одна светлая страница обезоруживала самую суровую критику — вероисповедные законопроекты¹⁶. Однако правительство так и не сумело завершить реформу свободы совести, «и теперь перед нами поставлена задача вести упорную, по всему вероятно продолжительную борьбу» за осуществление намеченных планов¹⁷.

Октябристы также поддержали разрабатываемую правительством реформу свободы совести¹⁸. Положительно оценили октябрябристы и проект «Об изменении положений, касающихся перехода из одного вероисповедания в другое»¹⁹; «Голос Москвы» приветствовал выравнивание прав старообрядцев и сектантов с православными²⁰. Октябристы поддержали изменения, внесённые думской комиссией, о предоставлении старообрядцам права «не только исповедовать, но и свободно проповедовать свою веру, как среди старообрядцев, так и среди лиц, принадлежащих к иным вероисповедным или иным вероучениям»²¹. Очевидно, что воззрения октябрябристов относительно свободы совести были гораздо шире предложений правительства и полностью согласовывались с изменениями, внесёнными Думой.

Мероприятия правительства на снятие всякого рода национальных ограничений также не остались без внимания либеральной печати. В правительственной декларации 24 августа 1906 года было заявлено, что «в области еврейского вопроса безотлагательно будет рассмотрено, какие ограничения, как вселяющие лишь раздражение и явно отжившие, могут быть отменены немедленно»²². Однако даже по прошествии пяти лет, как утверждает «Речь», «обещания остались не исполненными», ибо «никогда евреи не переживали таких тяжёлых моментов несправедливости, никогда не служили таким объектом безграничного произвола, как в наше конституционное время при просвещённом управлении П. А. Столыпина»²³.

Со стороны же октябрябристов снятие разного рода национальных ограничений и

«племенного эгоизма», проведённое правительством Столыпина, получило безусловную поддержку²⁴. В еврейском вопросе октябрябристы готовы были пойти ещё дальше, предоставив евреям полное равноправие с русскими. Впрочем, «Голос Москвы» ограничился по данной теме лишь публикацией слов А. И. Гучкова: «В будущем, вероятно, будет у евреев слияние с русскими, теперь же парламентской фракции следует заняться пересмотром законов о евреях»²⁵.

Свободу личности октябрябристы ставили в прямую зависимость от реформы суда, важного элемента в системе преобразований П. А. Столыпина. «Союз 17 октября» был полностью солидарен с премьер-министром в том, что права человека только тогда в полной мере становятся правами, когда они гарантированы государством. Однако даже приветствуя реформу местного суда, авторы публикаций неоднократно указывали, что проектируемое преобразование включает в себе ряд спорных положений.

Ещё более резкой критике подвергли реформу суда кадеты. Такие меры, как «выборность мировых судей, независимость судебной власти и отделение её от административной», били, по их мнению, «мимо главной цели — создать такой порядок, при котором личность действительно была бы неприкосновенна и могла бы пользоваться своими естественными правами»²⁶. Демократизация и гуманизация судебной системы руками столыпинского министерства казалась кадетам невозможной²⁷, ибо «министерство стало на прежний путь частичных исправлений более или менее необходимых, но не способных ни на йоту улучшить общее безотрадное состояние правосудия»²⁸. К числу таких поправок «Речь» относил и проект введения составительного начала в обряд предания суду. Так, один из важнейших законопроектов, обеспечивающих защиту граждан на предварительном следствии, получил у кадетов название «отдельной маленькой заплатки», не улучшающей состояния юстиции.

Кадеты отказывали премьер-министру в признании перспективы его программы «превращения отечества в государство правовое», так как она, по их мнению, не имела системного характера и изменяла лишь элементы системы во имя сохранения самодержавной модели управления. Сыг-

рав не последнюю роль в том, что общество не приняло столыпинского варианта модернизации России, кадеты делали всё возможное, чтобы сорвать «органическую работу»²⁹ Думы и правительства.

«Союз 17 октября», напротив, искренне стремился содействовать правительству в деле реформирования страны, был готов к сотрудничеству через Думу. В Столыпине октябрябристы увидели даровитого государственного деятеля, с уважением относящегося к Думе и достойного поддержки. Они отказались от тенденциозного осуждения всякого правительственного акта, но при этом не переставали напоминать, что кредит доверия должен быть оплачен конкретными действиями. Поддержка реформ думским умеренно-либеральным большинством ставилась ими в прямую зависимость от готовности правительства идти на контакт с Думой.

Благодаря поддержке октябрябристов премьер-министру удалось провести ряд судьбоносных для России законов. В первые годы деятельности III Думы октябрябристы были единственной партией, на безоговорочную поддержку которой мог рассчитывать Столыпин. Но эта опора оказалась недостаточной для успешной реализации столыпинского плана модернизации. Во-первых, лидеры «Союза 17 октября» довольно быстро осознали, что даже такому сильному и независимому премьеру, как Столыпин, не удастся полностью реализовать свои планы в условиях противодействия дворцовых сфер. Во-вторых, отсутствие внутреннего единства в партии и думской фракции октябрябристов не позволило им выступить консолидировано в Государственной думе. В-третьих, октябрябристы, считая себя конституционным центром в парламенте, не стремились стать правительственной партией.

После трагического выстрела в Киеве они вынуждены были признать и свою ответственность за отказ общества поддерживать политику премьер-реформатора: «Мучительно признаться, но часть вины за киевский выстрел лежит на мягкотелости русского общества, в котором не нашлось достаточно сил и энергии для отпора предательских поползновений слева»³⁰.

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 08-01-71101 а/Ц

Примечания

1. Речь. 1906. 14 сентября.
2. Речь. 1906. 17 августа.
3. Голос Москвы. 1907. 16 января.
4. Голос Москвы. 1908. 1 июля.
5. Голос Москвы. 1907. 3 мая.
6. Вишневецки Э. Либеральная оппозиция в России накануне первой мировой войны. М. 1994. С. 55.
7. Голос Москвы. 1909. 6 января.
8. Речь. 1906. 13 октября.

9. Речь. 1906. 8 октября.
10. Речь. 1906. 10 октября.
11. Голос Москвы. 1908. 7 декабря.
12. Голос Москвы. 1907. 9 февраля.
13. Голос Москвы. 1909. 24 ноября.
14. Речь. 1909. 16 ноября.
15. Речь. 1911. 25 мая.
16. Речь. 1910. 14 мая.
17. Речь. 1910. 17 октября.
18. Голос Москвы. 1908. 22 июля.
19. Голос Москвы. 1909. 5 мая.
20. Голос Москвы. 1909. 14 января.

21. Голос Москвы. 1909. 17 апреля.
22. Речь. 1906. 6 октября.
23. Речь. 1911. 13 февраля.
24. Голос Москвы. 1907. 11 июля.
25. Голос Москвы. 1907. 12 мая.
26. Речь. 1906. 1 июня.
27. Речь. 1908. 23 июля.
28. Речь. 1909. 6 мая.
29. Миллюков П. Н. Воспоминания. М. 1991. С. 237.
30. Голос Москвы. 1911. 8 сентября.